

поступать определенным образом согласно закону. Моральная свободная воля самодостаточна, она сама себя детерминирует и не нуждается ни в чем постороннем как детерминирующем факторе. *Мир свободы, или сверхчувственный мир, умопостигаемая природа*, в подлинном смысле слова есть *causa sui*. Никакого отношения к надприродному, трансцендентному в традиционном теологическом смысле здесь нет и в принципе не должно быть. Кант употребляет выражение «*умопостигаемый субстрат*», наряду с «чувственным субстратом» (5, 154), постоянно подчеркивая этот посюсторонний характер интеллигибельного мира свободы.

⁶ Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1982, вып. 7, с. 111.

⁷ Там же, с. 112.

⁸ См.: Киссель М. А. «Критика чистого разума» как первый опыт философии науки. — Вопросы философии, 1983, № 10, с. 116.

⁹ Гипертрофия аксиологии и праксеологии на основе их иррационалистической интерпретации и, напротив, всяческое уничтожение гносеологии стали рассматриваться историками философии как специфический показатель перехода буржуазной философии от этапа ее классического развития к современному периоду общего кризиса и почти всеобщей реакции. См., например: Мамардашвили М. А., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. — В кн.: Философия в современном мире: философия и наука. М., 1972.

¹⁰ Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. М., 1979, с. 131.

¹¹ См. Калинин Л. А. Постулаты практического разума в свете кантовской философии истории. — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1983, вып. 8, с. 19—22.

¹² См.: Киссель М. А. «Критика чистого разума» как первый опыт философии науки, с. 114.

А. Ф. КУДРЯШОВ

Вклад И. Канта в разработку категорий сущности и явления

Общезвестны слова Маркса о том, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»¹. Любой материальный объект как бы удвоен на явление и сущность, и такое удвоение выступает как объективное основание разделения всего научного и философского знания на описательный и объяснительный компоненты. «Описание объекта есть познание его со стороны явления (так называемый феноменологический подход), а объяснение — познание со стороны сущности (так называемый нефеноменологический подход)»². Развитие научного знания приводит к открытию все новых и новых сущностей, позволяющих объяснить известные и предсказать неизвестные явления. В тесной связи с этим развиваются и философские представления о категориях сущности и явления. Пожалуй, любой крупный философ так или иначе обращался к анализу этих категорий, хотя зачастую и называл их другими именами. Не мог пройти мимо них и Кант, несмотря на то, что в «критике чистого разума» термин «сущность» вообще не используется. Кант анализирует соотношение сущности и явления в терминах априор-

ного и эмпирического знания. Хотя в обширной советской литературе, посвященной изучению философского наследия Канта, много внимания уделено анализу указанных видов знания, рассмотрение последних через призму категорий сущности и явления представляется целесообразным, так как позволяет лучше уяснить значение кантовских идей, а также лучше понять историко-философский подтекст этих категорий (имея в виду их современную трактовку).

Платон, противопоставив «миру вещей» «мир идей» (вещи познаются чувствами, а идеи — разумом), положил начало философской традиции, суть которой в уподоблении раздвоения объективного мира на явление и сущность раздвоению человеческого познания на чувственное и рациональное. Чувства познают явления, а разум — сущности. Критикуя эту традицию, Кант подчеркивает, что всякое знание предполагает единство чувственного и рационального. «...Созерцания и понятия суть начала всякого нашего познания, так что ни понятия без соответствующего им некоторым образом созерцания, ни созерцания без понятий не могут дать знание» (3, 154). «Только в связи друг с другом наш рассудок и наша чувственность могут определять предметы. Отделив их друг от друга, мы получим созерцания без понятий или понятия без созерцаний; и в первом, и во втором случае это такие представления, которые не могут быть соотнесены ни с каким определенным предметом» (3, 312). Показав, что объективной значимостью обладает только синтез созерцаний и понятий, Кант критикует любые попытки выхода за область явлений, попытки достичь истину посредством только лишь понятийного мышления. Критика чистого разума «запрещает уноситься в умопостигаемые миры, хотя бы только в понятие о них» (3, 333), она устанавливает ему границы и «вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений» (3, 655). Из этого вытекает, что никакой понятийной конструкции нельзя приписывать объективный статус сущности — как мира в целом, так и той или иной предметной области. Такой вывод вполне материалистичен: сущность не есть понятие или система понятий. Кроме того, он имеет методологическое значение, раскрывая природу любых спекуляций — как в сфере философии, так и в сфере науки. Мышление спекулятивно, если оно останавливается на построении логически непротиворечивых понятийных систем, не допускающих (ни актуально, ни потенциально) эмпирической интерпретации. Такого рода системы (логическая непротиворечивость которых еще не свидетельствует, как подчеркивает Кант, об их истинности) могут иметь отношение не только к проблемам бога, свободы и бессмертия, столь популярным во времена Канта. И в наше время нередко встречаются философские рассуждения, не допускающие методологических выводов, математические выкладки, не могущие

быть интерпретированными на физическом или каком-либо ином материале и т. п. Все это схоластическое теоретизирование, преодоление которого является одним из важных рычагов повышения эффективности науки³.

Стремление применять понятия за областью созерцаний коренится, по Канту, в самой природе человеческого рассудка, обладающего априорным знанием, характеризующимся всеобщностью и необходимостью (признаками, не присущими эмпирическому знанию) и не зависящим от всякого опыта. Реализация такого стремления была бы законна, если бы рассудок обладал интеллектуальным созерцанием, тогда как «наш рассудок может только *мыслить*, а созерцания он должен получать из чувств» (3, 194). Поэтому выход за рамки чувственных созерцаний есть лишь иллюзия познания, и приводит рассудок к неразрешимым противоречиям с самим собой, о которых свидетельствуют антиномии чистого разума. То, что чистые априорные категории рассудка имеют трансцендентальное (то есть выходящее за пределы опыта) значение, говорит о существовании упомостигаемых вещей в себе — ноуменов. Отсутствие же интеллектуального созерцания говорит о том, что категории не имеют никакого трансцендентального применения, то есть о непознаваемости ноуменов. Какой-то иной, нечеловеческий рассудок мог бы познавать и явления (синтезируя понятия — как эмпирические, так и априорные — и чувственные созерцания), и сущности, или ноумены (синтезируя категории и интеллектуальные созерцания). Для человеческого же рассудка «деление предметов на феномены и ноумены, а мира — на чувственно воспринимаемый и упостигаемый недопустимо в *положительном*» и возможно лишь в *негативном* смысле (3, 310). Понятие ноуменов имеет отрицательный смысл, так как предостерегает рассудок от незаконного выхода за сферу явлений; оно имело бы положительный смысл, если бы ноумены были познаваемы. Цель рассудка, по Канту — не познание сущностей, а систематизация созерцаний (которые сами по себе несистематизированы). Порядок в явления привносится извне, рассудком, который выступает как «законодательство для природы» и тем самым реализует трансцендентальное содержание своих категорий. (3, 717).

Таким образом, развитие материалистической идеи о том, что сущность не есть понятие или система понятий, приводит Канта к метафизике (противопоставление вещей для нас вещам в себе, отрыв явления от сущности) и агностицизму (утверждение о непознаваемости ноуменов). Кроме того, оно приводит и к субъективному идеализму, так как Кант, оторвав и противопоставив явление вещам в себе, вынужден понимать явления как комбинации чувственных созерцаний субъекта, сгруппированных по правилам рассудка. Критический анализ указанных недостатков кантовской философии, проведенный

классиками марксизма и развитый в последующих работах философов-марксистов, является общеизвестным. Поэтому остановимся лишь на тех моментах, которые имеют отношение к категориям явления и сущности.

Субъективный идеализм Канта базируется на абсолютизации принципа активности субъекта в познании, сформулированного Кантом и позволяющего вложить более глубокое содержание в понятие «явление». Если согласно сенсуализму явление представляет собой восприятие субъектом объекта так, как он есть сам по себе, то, по Канту, явление есть то, как его конструирует субъект при помощи чувственности и рассудка. Кант видел аналог коперниканской революции в переходе от прежних воззрений, согласно которым «всякие наши знания должны сообразоваться с предметами», к принципу: «предметы должны сообразоваться с нашим познанием» (3, 87). Активность субъекта у Канта носит чисто идеальный характер, он нигде не говорит о реальном, практическом преобразовании объектов. Это и неудивительно, поскольку объекты как вещи в себе непознаваемы и тем более не подвержены преобразованиям со стороны субъекта. Однако, если отбросить абсолютизацию принципа активности субъекта (приводящую к «исчезновению» реальных объектов из сферы человеческого познания), то останется весьма плодотворная идея о том, что явление (то, как объекты нам являются) зависит не только от свойств материальных объектов, но и от субъекта. Эта идея, материалистически переосмысленная классиками марксизма⁴, нашла свое отражение в современном понимании того, что такое явление. Один и тот же материальный объект, включенный в различные системы материальных взаимоотношений с другими объектами, выступает как *разные* явления. Такие системы зависят от субъекта и определяются человеческой практикой. Свойства объекта на уровне явления зависят от субъекта: если последний изменяет систему взаимодействий, в которую «погружен» объект, то, вообще говоря, изменяются и свойства объекта. Но это не означает возникновения «принципиальной координации» между свойствами объекта и системой его взаимодействий (вообще говоря, зависящей от субъекта), что было бы эквивалентно возрождению кантовского идеализма в духе «переосмысления» последней философией эмпириокритицизма. Такого рода «принципиальная координация» разрушается потому, что объект имеет такие черты, которые не *проявляются* в любой *фиксированной* системе взаимодействий; чтобы раскрыть эти черты, нужно выйти за рамки последней. Такой выход и означает переход от изучения объекта на уровне явления к исследованию *сущности* объекта. Например, изучая ветер на уровне явления, можно сделать вывод о «принципиальной координации» его свойств с соответствующей системой взаимодействий, зависящей от человека (ветряная мельница,

дирижабль, аэродинамическая труба и т. д.). Но перейдя к изучению ветра на уровне сущности, можно легко обнаружить, что сущность ветра (перепад давлений, связанный с неравномерным нагреванием Солнцем земной поверхности) *не зависит* от указанных взаимодействий. Соотносительность, «эквивалентность» субъекта и объекта, обнаруживаемая на уровне явления, немедленно трансформируется в первичность объекта при переходе к изучению (и преобразованию) его сущности.

Каким образом можно изучить свойства объекта, не проявляющиеся в некоторой фиксированной системе его взаимодействий? Очевидно, можно «погрузить» объект в *другую* такого рода систему (в которой объект проявит новые свойства), но и в этой последней объект сохранит какие-то «скрытые» свойства. Изменяя также системы, мы реализуем феноменологический подход к изучению объекта. С точки зрения Канта, другой подход и невозможен, так как «скрытые» свойства характеризуют объект как ноумен, и их познание лежит за пределами возможностей субъекта. Доказывая непознаваемость ноуменов, Кант говорит о «явлениях вообще» и «ноуменах вообще». Это эквивалентно постановке вопроса о познании «скрытых» свойств всех без исключения материальных объектов, «погруженных» во всевозможные системы взаимодействия между собой, то есть о познании «скрытых» свойств материи вообще. Но субъект никогда не имеет дела с материей вообще, в качестве предмета познания (и практики) выступает всегда тот или иной ее фрагмент, некоторая ограниченная предметная область. «Понятие материи вообще образуется в результате обобщения различных материальных объектов. Как известно, представители метафизического материализма (Демокрит, Спиноза, Гольбах и др.), наоборот, начинали с рассуждений о некоей «материи вообще» (которой приписывали некоторые свойства), а затем из этой «материи вообще» пытались сконструировать реальные объекты. В этом и выразилось метафизическое игнорирование единства теории и практики в применении к начальному пункту исследования»⁵. В этом пункте Кант повторяет ошибку метафизических материалистов: доказывая непознаваемость «ноуменов вообще», он делает вывод о непознаваемости сущности конкретных явлений. Если угодно, сущность «материи вообще» действительно *актуально* непознаваема (она познаваема лишь в потенциальном смысле, в процессе неограниченной экстраполяции человеческого познания) — просто потому, что познание и практика имеют своим предметом ограниченные предметные области. Учитывая сказанное, можно обнаружить рациональное содержание в кантовском учении о феноменах и ноуменах.

Резкое противопоставление вещей для нас вещам в себе приводит к метафизике и агностицизму. Но если вместо первых понимать некоторую предметную область (а не «феномены

вообще»), а вместо вторых — сущность этой предметной области (а не «ноумены вообще»), то резкое противопоставление явления и сущности можно интерпретировать в том смысле, что между явлением и сущностью есть не просто различие, а *абсолютное* различие, которое можно обнаружить, если *закрепить* предметную область. В самом деле, сущность, в отличие от явления, не взаимодействует с органами чувств — ни прямо, ни косвенно (через приборы). Можно сказать, что с точки зрения чувственного познания явление в абсолютном смысле «скрывает» свою сущность. Например, изучая такое явление как ветер в различных системах взаимодействий и не выходя за рамки этих систем, невозможно обнаружить никакой «неравномерности нагревания» ни при помощи органов чувств, ни при помощи приборов; изучая всевозможные явления интерференции света, никоим образом невозможно «увидеть» их сущность, а именно, суперпозицию единичных элементарных волн. Абсолютный аспект различия между явлением и сущностью и заключается в том, что если первое познается на основе показаний органов чувств и приборов, то вторая — при помощи каких-то иных познавательных процедур, имеющих неэмпирическую природу. Под такого рода процедурами Кант понимал конструирование рассудком трансцендентальных понятий, выходящих за рамки «феноменов вообще», лишенных поэтому чувственного содержания и вместе с этим — объективной значимости. Ошибка Канта в том, что под неэмпирическим знанием он понимал знание, выходящее за рамки «явлений вообще» (и ему пришлось сделать вывод, что, хотя такое знание существует, оно не имеет никакого познавательного смысла). С точки зрения современных представлений неэмпирическое знание всегда *относительно* к эмпирическому знанию, оно выходит за рамки не «явлений вообще», а явлений, составляющих конкретную изучаемую предметную область. Пользуясь терминологией Канта, можно сказать, что познание сущности начинается с построения понятий, трансцендентальных изучаемым явлениям. Указанная выше относительность позволяет решить поставленную, но не решенную Кантом проблему «интеллектуальных созерцаний». Действительно, человеческий рассудок не обладает чувственными образами, имеющими неэмпирическую природу в абсолютном смысле, то есть такими образами, которые не связаны с какими бы то ни было явлениями. Но для того, чтобы раскрыть сущность конкретной предметной области, такое обладание и не является необходимым; для этого необходимо лишь, чтобы чувственные образы не были связаны с явлениями, образующими *эту* предметную область. Такие «интеллектуальные» чувственные образы появляются в результате работы творческого воображения исследователя. Творческое воображение, или интуиция, порождает и неэмпирические (в относительном смысле) понятия, выходя-

щие за рамки явлений изучаемой предметной области. Нелогическое (интуитивное) конструирование неэмпирических понятий и представлений (наглядных образов) называется в современной методологии научного познания умозрительным исследованием⁶. Синтез специально отобранных (согласно определенным философским и методологическим принципам) умозрительных понятий — конструкторов и умозрительных моделей и отражает сущность изучаемой предметной области. Отметим, что Кант был глубоко прав, утверждая, что всякое знание есть синтез абстрактно-понятийного и наглядного и что при помощи одного лишь понятий невозможно познать сущность. Действительно, сущность некоторой предметной области не есть просто система понятий, эта сущность отражается синтезом конструкторов и умозрительных моделей. Такого рода отражение является истинным (соответствующим объективной сущности), если указанный синтез позволяет объяснить известные и правильно предсказать новые явления.

Построение концепций сущности «оправдано» не только возможностью объяснения и предсказания явлений. С диалектико-материалистической точки зрения сущность столь же объективна, как и явления. В самом деле, за каждой системой взаимодействий между объектами, рассматриваемыми на уровне явлений и образующими изучаемую предметную область, «скрыта» ненаблюдаемая (и не подверженная эмпирическому исследованию в данной предметной области) система взаимодействий между нефеноменологическими объектами. Эта последняя и есть объективная сущность изучаемой предметной области, сущность, отражаемая умозрительной концепцией. Сущность и явление взаимосвязаны: изменение ненаблюдаемых взаимодействий приводит к изменению и наблюдаемых взаимодействий. Фундаментальное отличие между нефеноменологическими объектами и ноуменами в кантовском смысле в том, что если ноумены в принципе не могут быть объектами эмпирического исследования, то нефеноменологические объекты есть явления, но в *другой* предметной области, отличной от исследуемой. Например, изучая неравномерность нагревания Солнцем земной поверхности *как явление*, можно объяснять и предсказывать явления перемещения воздушных масс (ветер). Получается, что явление в одной предметной области может играть роль сущности в другой предметной области, и наоборот. В этом заключена *относительность* различия между сущностью и явлением. Такое различие абсолютно, если предметная область фиксирована, и относительно, если осуществить выход за рамки изучаемой предметной области. Отметим, что не только рассматриваемые, но и все остальные диалектические противоположности (например, качество и количество) характеризуются и абсолютными, и относительными аспектами различия. Кант, конечно, не мог обнаружить относительности

различия между сущностью и явлением, поскольку в качестве исходного пункта у него выступали «явления вообще», а не конкретные предметные области.

Необходимо подчеркнуть, что относительность различия между сущностью и явлением не означает, что сущность можно («расширяя» изучаемую предметную область), в конечном счете, свести к явлению, а умозрительное и теоретическое исследование — к эмпирическому. Дело в том, что, не осуществляя умозрительного исследования, нельзя определить, в каком именно направлении следует «расширять» изучаемую предметную область, чтобы «обнаружить» ее нефеноменологическое удвоение. Кроме того, далеко не всегда нефеноменологические объекты *могут* стать объектами эмпирического исследования (как это имело место в примере с сущностью ветра). Например, в течение многих веков самые разнообразные явления объясняли, исходя из представления о существовании атомов и молекул. При этом казалось, что молекулы и системы взаимосвязей между ними в принципе невозможно сделать объектом эмпирического исследования (увидеть молекулы нельзя даже при помощи самых сильных микроскопов, поскольку длина волны света много больше размеров молекул). Но в XX веке изобрели прибор принципиально нового типа — электронный микроскоп, позволяющий изучать крупные молекулы и взаимосвязи между ними на уровне явления. Этот пример свидетельствует о том, что относительность различия между сущностью и явлением нужно понимать не обязательно только в актуальном, но и в *потенциальном* смысле.

Итак, вклад Канта в разработку категорий сущности и явления заключается в основном в следующем.

Во-первых, Кант показал, что всякое знание, в том числе и знание о сущности, может иметь объективную значимость только в том случае, если представляет собой синтез абстрактно-понятийного и чувственно-наглядного. Это позволяет (как во времена Канта, так и сейчас) квалифицировать как иллюзорное (спекулятивное) или, по крайней мере, как несовершенное и незавершенное любое познание, оперирующее одними лишь понятиями, несинтезированными с соответствующими им чувственными образами.

Во-вторых, Кант указал на существование неэмпирических понятий, проанализировал их признаки и отличие от эмпирических понятий.

В-третьих, Кант поставил проблему «интеллектуальных созерцаний», подчеркнув, что сущность может быть познаваемой только при наличии последних.

В-четвертых, Кант указал на абсолютный аспект различия между сущностью и явлением.

В-пятых, Кант сформулировал принцип активности субъекта познания; материалистическое переосмысление и развитие

этого принципа позволяет вложить в понятие «явление» значительно более глубокое содержание (по сравнению с докантовской философией).

¹ Маркс К. Капитал. Т. 3. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 384.

² Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1981, с. 25.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 32, 34.

⁴ См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3; Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. — Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 42.

⁵ Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1981, с. 14—15.

⁶ См.: Бранский В. П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973, с. 40—45.

И. И. ЕВЛАМПИЕВ

Гносеологический статус математики у Канта и теория познания диалектического материализма

Развитие своей философской системы Кант начинает с постановки двух вопросов: «Как возможна чистая математика?» и «Как возможно чистое естествознание?». Значительная часть «Критики чистого разума», основной работы Канта, посвящена рассмотрению этих вопросов. Фактически под «чистым» знанием Кант понимает знание теоретическое, обладающее необходимым характером и этим отличающееся от вероятного эмпирического знания. Поэтому, решая в своей теории познания указанные вопросы, Кант выясняет гносеологический статус наук о природе и, в первую очередь, гносеологический статус математики.

Заслуги Канта в философском обосновании математики чрезвычайно велики. Несмотря на общую идеалистическую направленность его системы, подробный анализ сущности математического знания содержит много плодотворных идей, материалистическая разработка и использование которых является весьма важной задачей теории познания диалектического материализма.

Чтобы наиболее четко выявить новые черты в понимании математики у Канта, кратко опишем развитие представлений о природе математического знания в истории философии.

В античной философии наибольшее значение необходимости философского обоснования математики придавал Платон (в этом смысле он наиболее близок Канту). Для Платона истинным необходимым существованием обладает только мир идей, понятий, а чувственный, материальный мир существует лишь в той степени, в какой в нем воплощаются идеи. Противопоставление мира идей и чистой материальности, чистого становления является здесь определяющим. Однако Платон понимает,